

18+

КОГДА УТОНУЛО НЕБО

НИКОЛАЙ СЕДОЙ

Николай Седой
Когда умолкло небо

«Издательские решения»

Седой Н.

Когда умолкло небо / Н. Седой — «Издательские решения»,

После смерти обычная жизнь Рамиэля заканчивается — и начинается война, скрытая от людей. Под землёй, на базе «Север», остатки ангелов держат оборону против демонов, пока Небеса лежат в руинах, а голос Гавриила звучит всё реже. Чтобы выжить, Рамиэлю придётся принять новую природу, научиться убивать и понять: самая опасная тьма начинается там, где вера сменяется сомнением.

© Седой Н.

© Издательские решения

Содержание

ПРОЛОГ	7
Глава I	10
Глава II	13
Глава III	16
Глава IV	19
Глава V	23
Глава VI	26
Глава VII	29
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Когда умолкло небо

Николай Седой

© Николай Седой, 2026

ISBN 978-5-0070-2529-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРОЛОГ

6 февраля 2023 года

Ночь с пятого на шестое февраля в Сирии начиналась так же, как и многие другие. Было холодно, улицы почти опустели, а город спал беспокойным сном, к которому давно привык. В окнах кое-где ещё горел свет, и люди, которым не спалось, прислушивались к тишине, не ожидая от неё ничего хорошего, но и не предполагая, что она вот-вот закончится.

В 4:17 утра земля дрогнула.

Сначала слабо — так, что это можно было принять за проезжающий где-то рядом грузовик или далёкий взрыв. Некоторые люди позже будут говорить, что именно в этот момент заметили странные вспышки света, отражённые в стёклах окон или мелькнувшие в небе. Однако никто не сможет с уверенностью сказать, что именно видел, потому что почти сразу толчок повторился — уже сильнее.

Для человеческого глаза небо в ту ночь было пустым.

Никаких фигур, никаких крыльев, никакого света, который можно было бы назвать необычным. Только тьма, звёзды и внезапно возникшее ощущение, что воздух стал тяжёлым, будто давил сверху.

На самом деле город был полон.

Там, где люди видели пустые улицы и крыши, в воздухе появлялись ангелы. Они возникали без звука, без следа, словно мир просто соглашался на их присутствие на краткий миг. Их было много — слишком много для одного места. Они занимали позиции в небе и между зданиями, выстраиваясь в линии, которые не существовали для человеческого восприятия.

Почти сразу им навстречу пришла тьма.

Для людей она не имела формы — лишь ощущение, что ночь стала гуще и глубже обычного. Но там, где человеческий взгляд видел пустоту, появлялись демоны. Их было не меньше. Они собирались легионами, перекрывая небо, занимая пространство, которому не было места в физическом мире.

Первое столкновение ангелов и демонов люди ощутили как сильный толчок.

Стёкла лопнули. Стены застонали. Люди проснулись окончательно, выбегая на улицы, крича, хватая детей, не понимая, куда бежать. Земля двигалась рывками, будто что-то огромное билось где-то под ней.

Битва развернулась над городом и сквозь него.

Тысячи существ сталкивались в воздухе, падали, поднимались, исчезали. Для мира людей это выразалось в обрушившихся крышах, рухнувших стенах и улицах, которые внезапно пошли трещинами.

Когда появился Михаил, люди почувствовали это как особенно сильный удар.

Земля качнулась так, что многие упали, не удержавшись на ногах. Где-то рухнули целые кварталы. Позже сейсмологи отметят этот момент как один из самых мощных толчков.

Михаил шёл сквозь битву, разрезая её надвое, но для людей это было лишь ощущение, будто давление внезапно изменилось, будто сам воздух стал другим.

Когда ему навстречу вышел Люцифер, мир содрогнулся снова.

Это был тот самый миг, который позже назовут главным толчком. Люди запомнят его лучше всего — потому что именно тогда рухнули самые высокие здания и исчезла связь. Некоторые будут говорить, что слышали странный гул, но никто не сможет объяснить его происхождение.

Где-то среди хаоса ангелы ещё слышали голос Гавриила.

Короткие приказы, отдаваемые в самый разгар боя. Но для человеческого мира это выразилось лишь в том, что разрушения начали распространяться иначе, будто что-то изменило направление удара.

Потом всё закончилось.

Резко и неожиданно.

Земля сделала ещё один, последний рывок — и замерла. Ночь снова стала просто ночью. Небо — просто небом.

Люди лежали на улицах, среди пыли и обломков, не понимая, почему вдруг стало так тихо. Кто-то плакал, кто-то звал близких, кто-то просто смотрел в темноту, пытаясь осознать, что он всё ещё жив.

Никто из них не видел, как исчезли Михаил и Люцифер.

Никто не заметил, что голос Гавриила больше не звучит.

Через несколько минут сирены заполнили город.

Через несколько часов мир узнает о катастрофе.

Через несколько дней её назовут одним из самых разрушительных землетрясений века.

Белый свет упомянут не будет.

О крыльях никто не напишет.

Ангелы уйдут в тень.

И только мир, сам того не понимая, сделает первый шаг в новую эпоху — в ту ночь, когда земля дрожала слишком долго.

Глава I

«Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих» — Евангелие от Иоанна, 15:13

Город в этот час выглядел усталым.

Фонари светили неравномерно, оставляя между собой длинные полосы тени, а влажный асфальт отражал свет так, будто кто-то неаккуратно разлил по нему жидкое золото. Было тихо — не той спокойной тишиной, которая обещает отдых, а другой, настороженной, когда кажется, что город просто затаился.

Он шёл по тротуару, засунув руки в карманы куртки.

Воздух был прохладным, с запахом сырости и далёкого дыма. Где-то в стороне глухо хлопнула дверь подъезда, затем снова стало тихо. Машин почти не было, и каждый редкий звук шагов отдавался слишком громко.

Он возвращался домой пешком.

Так было привычнее. День прошёл без происшествий — именно так, как он любил. Никаких неожиданных разговоров, никаких срочных дел. Телефон молчал в кармане, наушники играли негромко, не мешая слышать улицу.

Он свернул во двор, решив срезать путь.

Двор был узким и плохо освещённым, словно его забыли достроить или просто перестали о нём заботиться. Один фонарь у подъезда давно не работал, второй мигал, отбрасывая неровный свет на припаркованные машины. Между ними лежали густые тени, и казалось, что двор стал меньше, чем был днём.

Здесь было холоднее.

Он заметил их не сразу.

Сначала — смех. Грубый, резкий, неуместный для этого часа и этого места. Потом — движение у подъезда. Трое парней стояли слишком близко к девушке, прижав её к металлической двери. Стена за её спиной была исписана старыми надписями, а жёлтый свет фонаря делал лица резкими и чужими.

Он замедлил шаг.

Не потому что сразу решил вмешаться. Скорее потому, что сам двор будто не позволял пройти мимо. В этом месте всё выглядело неправильно — слишком тесно, слишком темно, слишком близко.

— Эй, — сказал один из парней. — Мы вообще-то с тобой разговариваем.

Девушка что-то ответила, но он не расслышал. Она попыталась сделать шаг в сторону, и другой парень тут же перегородил ей путь, уперев ладонь в стену.

Он снял наушники.

— Всё нормально? — спросил он.

Его голос прозвучал спокойнее, чем он ожидал. В этом дворе любые слова казались лишними.

Парни обернулись.

Один усмехнулся. Другой посмотрел на него с раздражением, как смотрят на помеху, а не на человека.

— Иди дальше, — сказал он. — Не лезь.

Он мог бы послушаться.

Просто пройти дальше, выйти из двора и снова оказаться под фонарями, где всё выглядит безопаснее. Он даже сделал шаг назад, почти машинально.

Потом девушка подняла на него глаза.

В их отражении дрожал свет фонаря. В этом взгляде не было просьбы — только надежда, слишком хрупкая для того, чтобы её игнорировать.

— Отпустите её, — сказал он.

Он не собирался драться. Он просто хотел, чтобы двор снова стал обычным — пустым и тихим.

Первый удар он не увидел.

Только почувствовал резкую боль в боку и неожиданную потерю равновесия. Он ударился о влажный асфальт, и холод мгновенно пробрался под одежду. Кто-то выругался. Кто-то пнул его в бок.

Он попытался подняться.

Двор будто сжался ещё сильнее. Свет фонаря мелькал, тени двигались. Голоса звучали глухо, словно он оказался под водой.

Он услышал крик — резкий, испуганный. Девушка.

Он встал между ними и ею почти автоматически, чувствуя, как ноги дрожат. Металлическая дверь подъезда была совсем рядом, холодная и безразличная.

Удары сыпались быстро.

Боль растекалась по телу, делая движения медленными и неточными. Он знал, что падает, но не мог понять, когда именно это произошло.

Он оказался на земле и больше не пытался подняться.

Холод асфальта ощущался отчётливо. Где-то вдали завывала сирена, и этот звук показался слишком далёким, почти ненастоящим. Шаги отдалялись. Двор снова наполнялся тишиной.

Он лежал и смотрел туда, где между домами угадывался узкий кусок неба.

Мыслей почти не осталось.

Только одна — простая и упрямая, как этот двор:

Хоть бы она успела уйти.

Потом тишина стала глубже.

И город, казалось, отвернулся.

Глава II

«И возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» — Книга Екклесиаста, 12:7

Сначала была тишина.

Не та, что наступает ночью, когда город засыпает, и не та, что бывает после громкого звука. Это была тишина без расстояния и без глубины, как если бы исчезло само понятие «где».

Он не чувствовал тела.

Не было холода, боли или тяжести. Не было даже ощущения, что он лежит или стоит. Если бы его попросили сказать, существует ли он сейчас, он не смог бы ответить сразу.

Тьма вокруг была ровной.

Не чёрной и не пугающей — скорее пустой. Она не давила и не отступала. В ней не было ни верха, ни низа, ни направления. Если здесь и было пространство, то оно не подчинялось привычным правилам.

Он попытался вдохнуть.

Ничего не произошло — и в этом не было тревоги. Дыхание оказалось ненужным. Мысль об этом пришла спокойно, без удивления, будто он всегда это знал.

Вдалеке — если это вообще можно было назвать далью — появилось слабое свечение.

Оно не освещало тьму, а просто обозначало себя, как точка внимания. Свет был мягким, почти тёплым, и не ослеплял. Он не двигался, но казалось, что именно туда стоит смотреть.

Он понял, что может идти.

Идти без ног, без шагов, без усилия. Расстояние сокращалось не потому, что он приближался, а потому что между ним и светом его становилось меньше.

По мере того как он приближался, тьма начала меняться.

Она перестала быть одинаковой. В ней появились едва заметные оттенки, как если бы кто-то осторожно добавлял глубину. Появилось ощущение воздуха — не холодного и не тёплого, а просто присутствующего.

Свет стал больше.

Теперь он видел, что это не просто точка. Это было пространство — что-то вроде комнаты или зала, но без стен. Пол под ногами — если это были ноги — был ровным и светлым, словно сделанным из тумана, который решил притвориться камнем.

Он остановился.

Впервые с того момента, как всё закончилось во дворе.

Где-то за спиной, далеко и глухо, осталось ощущение города. Фонари, асфальт, холод. Всё это теперь казалось не воспоминанием, а чем-то вроде сна, который уже начал стираться.

Он понял, что не один.

Фигура появилась не внезапно. Она словно всегда была здесь, просто теперь на неё обратили внимание. Человек — или тот, кто выглядел как человек — стоял чуть в стороне, в спокойной позе, сложив руки за спиной.

Одежда была простой и светлой. Лицо — обычным, без резких черт. Только глаза казались слишком внимательными, как у того, кто давно привык наблюдать.

— Ты не испугался, — сказал он.

Голос звучал ровно и спокойно. Он не эхом разнёсся в пространстве, а просто оказался рядом, как если бы расстояния здесь не существовало.

Он попытался ответить, но понял, что не знает, как именно это делается. Мысли, однако, были ясными.

— Наверное, — сказал он наконец. Или подумал. Разницы почти не было.

Фигура слегка кивнула.

— Это нормально. Обычно страх приходит позже.

Он огляделся.

— Я... умер? — спросил он.

Вопрос прозвучал не так страшно, как должен был. Скорее как уточнение.

— Да, — ответил незнакомец. — Твоё тело — да.

Он замолчал, давая этому слову осесть.

Пространство вокруг не изменилось, но что-то в нём стало тяжелее. Не тьма — ожидание.

— А дальше? — спросил он.

Фигура сделала шаг вперёд. Пол под ней не скрипнул и не дрогнул.

— Дальше у тебя есть выбор.

Он посмотрел на светлое пространство, на ровную тишину, на отсутствие боли. Это место не казалось ни раем, ни чем-то пугающим. Оно было... промежуточным.

— Какой? — спросил он.

Незнакомец посмотрел на него внимательно, будто впервые по-настоящему.

— Либо ты уйдёшь дальше, — сказал он. — И тогда всё, что было, действительно закончится. Он сделал паузу. — Либо ты согласишься вернуться. Не туда, откуда пришёл, а туда, где ты можешь быть полезен.

В этих словах не было ни давления, ни обещаний.

Только факт.

Тишина вокруг стала гуще, будто мир ждал ответа.

Глава III

«И дам ему имя новое, которого никто не знает, кроме того, кто получает» — **Откровение Иоанна Богослова, 2:17**

Пространство вокруг оставалось светлым, но перестало быть пустым.

Если раньше оно ощущалось как отсутствие всего, то теперь в нём появилось ожидание — спокойное и настойчивое, как пауза перед ответом. Свет был ровным, мягким, без источника, и казалось, что он не освещает, а просто присутствует.

Ориэль стоял напротив, не делая ни шага вперёд, ни назад. Он не давил своим присутствием, но и не позволял забыть, что этот момент важен. Здесь вообще ничего не происходило случайно.

— Полезен... кому? — спросил он.

Слова прозвучали легко. Здесь не нужно было подбирать формулировки — мысль сразу становилась звуком.

Ориэль не ответил сразу.

Он посмотрел в сторону, где не было ни стен, ни горизонта, словно прислушивался к чему-то, чего не мог слышать никто другой.

— Тем, кто ещё жив, — сказал он наконец. — И тем, кто делает так, чтобы им было труднее оставаться живыми.

Это не прозвучало ни как угроза, ни как утешение. Просто как факт.

— Значит, это не рай? — спросил он.

— Нет, — ответил Ориэль. — И не ад.

Он сделал шаг, и свет под ногами едва заметно изменился, будто поверхность откликнулась.

— Это место, где решения всё ещё имеют значение.

Он огляделся внимательнее.

Теперь он начал различать оттенки: свет был теплее вблизи Ориэля и холоднее дальше. Вдали угадывались формы, похожие на коридоры или проходы, но стоило задержать на них взгляд, как они растворялись.

— А если я ничего не выберу? — спросил он.

— Это тоже выбор, — сказал Ориэль. — Самый простой.

Он помолчал, позволяя словам осесть.

— Ты уйдёшь дальше. Без боли. Без памяти. Всё, что было, перестанет иметь значение.

Почему-то именно это показалось самым пугающим.

— А если соглашусь?

Ориэль посмотрел на него внимательно, уже не как на возможность, а как на того, за кого теперь придётся отвечать.

— Тогда ты вернёшься, — сказал он. — Но не туда, откуда пришёл. И не тем, кем был.

Свет вокруг стал плотнее.

— Ты не будешь человеком.

— А кем? — спросил он.

— Ангелом.

Слово не прозвучало торжественно. Оно просто заняло своё место, как правильное определение.

— Почему я? — спросил он.

Это был единственный вопрос, который действительно имел значение.

Ориэль ответил не сразу.

— Потому что ты уже сделал выбор, — сказал он и кивнул в пустоту за его спиной. — Там, где мог уйти.

Воспоминание о дворе всплыло не картинками, а ощущениями: холодный асфальт, жадное пространство, чужие голоса. Этого оказалось достаточно.

— Я не герой, — сказал он.

— Мы не ищем героев, — спокойно ответил Ориэль. — Мы ищем тех, кто остаётся.

Он помолчал, затем добавил:

— Но если ты согласишься, ты должен оставить прошлое полностью.

— Как? — спросил он.

— Без имени, — сказал Ориэль. — Оно принадлежит жизни, которой больше нет.

Тишина стала глубже.

— Тогда как меня будут называть? — спросил он.

Ориэль сделал шаг ближе.

Свет вокруг них дрогнул и словно собрался, как если бы само пространство прислушивалось.

— Имя будет дано, — сказал он. — Его не выбирают. Его принимают.

Он поднял руку — не касаясь, но достаточно близко, чтобы воздух между ними изменился.

— Рамиэль.

Имя прозвучало тихо.

Но оно отозвалось сразу — не эхом, а узнаваемостью, словно это слово всегда было рядом и просто ждало момента.

Он повторил его про себя.

Рамиэль.

В этом имени не было прошлого. В нём не было воспоминаний или привязанностей. Только направление и возможность.

— Это... теперь я? — спросил он.

— Да, — ответил Ориэль. — Теперь ты Рамиэль.

Он посмотрел на свет под ногами.

На пространство, где не было боли и не было жизни.

Потом кивнул.

— Я согласен.

Свет вокруг пришёл в движение.

И в этот момент Рамиэль понял: он не исчез — он перешёл.

Глава IV

«И открыл я глаза мои — и вот, я уже не тот, кем был прежде» — Книга Иова, 42:5

Рамиэль пришёл в себя резко.

Слишком резко — будто его выдернули из глубины и бросили обратно в тело, не спрашивая, готов ли он. Воздух ударил в грудь, холодный и сухой. Он вдохнул судорожно, второй раз — глубже, и только тогда понял, что снова дышит.

Под ним была жёсткая поверхность.

Камень или бетон — холодный, неровный. Воздух пах пылью, металлом и чем-то ещё, незнакомым, но тревожным. Где-то рядом негромко гудело электричество.

Он открыл глаза.

Потолок был низким, серым, пересечённым трещинами. Между ними тянулись кабели, закреплённые слишком грубо. Свет шёл от длинных ламп под металлическими решётками — резкий, холодный, беспощадный.

Рамиэль сел — и замер.

Тело двигалось не так.

Слишком точно. Слишком легко. Как будто исчезло сопротивление, к которому он привык за всю жизнь. Он поднял руку — и она послушалась мгновенно, без малейшей задержки.

Это напугало.

Он посмотрел на себя.

Одежда была чужой — тёмной, простой, без опознавательных знаков. Ни крови. Ни грязи. Ни следов двора.

Воспоминание накрыло внезапно.

Асфальт. Удар. Крик.

Он резко коснулся бока — боли не было.

— Очнулся, — сказал кто-то.

Голос прозвучал сбоку.

Рамиэль обернулся.

У стены стоял парень примерно его возраста. Высокий, худощавый, в такой же тёмной одежде. На первый взгляд — обычный. Но стоило взглянуть ему в глаза, как Рамиэль понял: что-то не так.

Глаза парня светились.

Не ярко. Не как лампы.

Глубоким, холодным голубым светом, словно внутри отражалось небо.

— Ты... — начал Рамиэль и осёкся.

Парень заметил его взгляд.

— Ага, — спокойно сказал он. — Значит, уже видишь.

— Что ты... — Рамиэль сглотнул. — Что с твоими глазами?

Парень чуть усмехнулся.

— Подожди, — сказал он. — Ты ещё себя не видел.

Он сделал шаг в сторону.

И тогда пространство не выдержало.

За его спиной раскрылись крылья.

Не вспышкой. Не эффектом.

Они были — большие, настоящие, светлые. Перья слегка шевельнулись, задели воздух, и Рамиэль инстинктивно отступил.

Крылья не касались стен, хотя должны были. Они словно существовали чуть иначе, чем всё остальное.

— Это невозможно... — выдохнул Рамиэль.

— Привыкнешь, — сказал парень. — Или нет. Тут как повезёт.

— Что ты такое? — спросил Рамиэль.

— Ангел, — ответил тот так, будто говорил «человек».

Он подошёл ближе и протянул руку.

— Элиан.

Рамиэль машинально пожал её.

— Рамиэль, — сказал он — и только после этого понял, что произнёс имя без сомнений.

Элиан кивнул.

— Тогда смотри.

Он указал на металлическую поверхность ящика у стены.

Рамиэль подошёл — и замер.

Оттуда на него смотрел он сам.

Глаза горели тем же холодным голубым светом. Не отражение — источник. Из-за спины, чуть ниже лопаток, поднимались крылья.

Его крылья.

Они были огромными. Сложенными, но тяжёлыми — он чувствовал их вес, напряжение мышц, которых раньше не существовало. Перья слегка дрогнули, будто реагируя на его дыхание.

— Нет... — прошептал он.

Он сделал шаг назад. Потом ещё один.

— Это не может быть мной.

Крылья дёрнулись синхронно с движением. Он почувствовал это — не боль, а чуждую, пугающую естественность.

— Может, — спокойно сказала девушка.

Рамиэль обернулся.

Она сидела за столом с аппаратурой. Светлые волосы, собранные в хвост. Лицо сосредоточенное, холодное. И за её спиной — крылья. Изящные, аккуратно сложенные. Глаза тоже светились голубым.

— Мириэль, — сказал Элиан. — Наш новенький.

— Я не... — Рамиэль запнулся. — Я человек.

Мириэль посмотрела на него внимательно.

— Был, — сказала она. — Теперь — нет.

Он резко вдохнул.

— А люди? — спросил он. — Они это видят?

Элиан покачал головой.

— Никогда.

— Почему?

— Потому что если бы видели — мир бы давно сошёл с ума, — ответил он. — Среди людей мы всегда выглядим как люди.

— А здесь?

— Здесь мы свои.

Рамиэль снова посмотрел на свои крылья.

Они никуда не исчезли.

Он закрыл глаза.

Когда открыл — они всё ещё были там.

— Я умер, — тихо сказал он.

— Да, — ответил Элиан.

— И это... — Рамиэль сглотнул. — Это моя новая жизнь?

В этот момент помещение наполнилось треском.

Рация на столе ожила.

— Внимание всем постам, — раздался голос. Ровный, спокойный. — Проверка связи завершена. Подтвердите готовность.

Крылья в помещении слегка дрогнули.

— Это он, — тихо сказал Элиан. — Голос.

Рамиэль стоял посреди бетонного зала, с крыльями за спиной и светом в глазах, и понимал только одно: шок ещё не прошёл.

И, возможно, не пройдёт никогда.

Глава V

«Ибо ныне не имеем здесь постоянного града, но ищем будущего» — Послание к Евреям, 13:14

База называлась «Север».

Не из-за географии — хотя она и располагалась на севере России, глубоко под землёй, в бывшем промышленном комплексе. Название прижилось по другой причине. Здесь не ждали тепла. Ни от мира людей, ни от Небес, ни друг от друга.

Наверху был обычный город.

Люди ходили на работу, ругались в пробках, смотрели новости, не зная, что под их ногами идёт другая жизнь. Сюда доносились лишь глухие отголоски — редкая вибрация, шум поездов, иногда далёкий гул, который легко можно было принять за работу старых коммуникаций.

На «Севере» знали: если люди что-то почувствуют — значит, уже поздно.

Коридоры базы были узкими и неровными. Где-то стены оставались голым бетоном, где-то их укрепляли металлом и временными подпорками. Свет экономили. Лампы горели не везде, и ангелы давно привыкли к полумраку — он был безопаснее яркости.

Рамиэль шёл вслед за Элианом и Мириэль.

По пути им попадались другие ангелы. Кто-то молча переносил ящики с припасами. Кто-то сидел прямо на полу, перебирая ремни доспеха или точка клинок. У поста наблюдения дежурили двое — экран перед ними показывал пустые улицы, крыши и редкие движущиеся точки машин.

— Здесь нет тыла, — сказал Элиан, не оборачиваясь. — Весь Север — передовая.

— А отдых? — спросил Рамиэль.

Мириэль коротко взглянула на него.

— Между приказами, — ответила она. — Если повезёт.

Они прошли мимо ангела с заметно повреждённым крылом. Тот стоял у стены и внимательно слушал рацию, словно надеялся услышать что-то между помехами.

— Он больше не летает, — тихо сказала Мириэль. — Но остаётся. Таких здесь много.

Центральный зал «Севера» был больше остальных помещений. Здесь стояли грубые столы, лавки, вдоль стен — шкафы с оружием, снаряжением и ящиками, помеченными знаками разных ячеек. В углу кто-то ел, не снимая перчаток. В другом — спорили вполголоса, сразу замолкнув, когда мимо прошёл старший.

Здесь пахло металлом, пылью и следом сгоревшего света — запахом, который Рамиэль уже начал узнавать.

— Здесь принимают приказы, — сказал Элиан. — И здесь решают, что делать, когда приказы не приходят.

Рамиэль остановился.

— Они... не всегда приходят?

Мириэль ответила не сразу.

— Связь с Гавриилом нестабильна, — сказала она. — Иногда он выходит на контакт каждый день. Иногда — молчит неделями.

— И что тогда? — спросил Рамиэль.

— Тогда Север держится сам, — сказал Элиан. — Патрули. Проверка печатей. Наблюдение. Подсчёт потерь.

Рамиэль почувствовал, как внутри что-то неприятно сжалось.

— А другие ячейки?

— Европа — Франция, — сказала Мириэль. — Восток — Китай. Она пожала плечами. — Америка отвечает нерегулярно. Африка почти не выходит на связь. Ближний Восток... Она не договорила.

— Сирия, — сказал Элиан. — Там почти никого не осталось.

Рамиэль замолчал.

— А Небеса? — спросил он спустя паузу.

В зале стало тише.

— Небеса — руины, — ответил Элиан. — И туда не возвращаются.

Они подошли к столу, за которым сидел ангел с усталым лицом и стопкой списков. Он поднял голову, быстро оглядел Рамиэля.

— Новенький? — спросил он.

— Да.

— Тогда слушай правила, — сказал ангел, отодвигая бумаги. — Они простые.

Он загнул палец.

— Первое: среди людей — только человеческая форма. Всегда. — Второе: истинная форма — только среди своих или по приказу. Крылья — не символ. Это мишень. — Третье: если начинается бой — ты дерёшься до конца. Демонов не берут в плен.

Он посмотрел Рамиэлю прямо в глаза.

— Четвёртое: приказы Гавриила не обсуждаются. Пауза. — Вслух.

Рамиэль заметил, как несколько ангелов переглянулись.

— Пятое, — продолжил ангел. — Если связь пропадает — решения принимают старшие на месте. Ошибки потом не исправляют.

Он закрыл списки.

— Вопросы?

Рамиэль покачал головой.

— Привыкнешь, — сказал Элиан, когда они отошли. — Или нет.

— А если... — начал Рамиэль и замолчал.

— Если Гавриил не тот, за кого себя выдаёт? — тихо сказала Мириэль.

Рамиэль посмотрел на неё.

Она смотрела куда-то в глубину зала, где ангелы продолжали жить, готовиться, ждать.

— Тогда, — сказала она, — мы узнаем об этом слишком поздно.

В этот момент по базе прошёл короткий звуковой сигнал.

Все замерли.

Старый динамик над залом хрипнул, затем раздался искажённый, далёкий голос:

— Я на связи.

Это был Гавриил.

Никто не улыбнулся. Никто не вздохнул с облегчением.

Ангелы просто поднялись со своих мест — молча, синхронно, как те, кто давно понял: приказы могут спасти жизнь, а могут — забрать её.

Рамиэль стоял среди них и впервые по-настоящему осознал:

мир, в который он попал, держался не на вере и не на чуде, а на дисциплине, страхе и упрямом желании продержаться ещё один день.

Глава VI

«Кому дано много, с того много и спросится» — **Евангелие от Луки, 12:48**

Помещение для трансформаций находилось в отдельном секторе базы «Север».

Туда не водили случайно и не приводили из любопытства. Коридор перед входом был шире остальных, а стены — усилены металлом, словно строители заранее знали: здесь что-то пойдёт не так. Свет горел постоянно, без экономии, и это само по себе казалось необычным.

Рамиэль остановился у порога.

За массивной дверью чувствовалось давление — не физическое, а внутреннее, похожее на то, что он испытывал перед тренировками, только глубже. Как будто пространство по ту сторону не ждало, а проверяло.

— Здесь не спешат, — сказал Элиан. — И не рискуют без причины.

Внутри помещение напоминало ангар. Высокий потолок терялся в тени, а пол был расчерчен следами — трещинами, вмятинами, оплавленными участками камня. Это были не следы учений. Это были последствия ошибок.

Вдоль стен находились ангелы.

Некоторые уже находились в истинной форме — крылья расправлены, глаза светились холодным голубым светом. У других крылья были частично сложены, повреждены, с неровными краями. Один ангел стоял, опираясь на копьё, и Рамиэль сразу заметил: его крыло справа не двигалось.

— Он больше не выходит в поле, — тихо сказала Мириэль. — Но форму всё равно принимает. Чтобы помнить, кем был.

Рамиэль сглотнул.

— Зачем это место? — спросил он.

— Чтобы научиться возвращаться, — ответила она. — Принять форму легко. Удержать контроль — сложнее.

Ориэль уже был здесь.

Он стоял у дальней стены, наблюдая за происходящим, как наблюдают не за процессом, а за людьми. Его крылья были скрыты, но само присутствие ощущалось — плотное, тяжёлое. Он не говорил и не вмешивался.

Рамиэль почувствовал, как напряглись плечи.

— Когда будешь готов, — сказал Элиан.

Рамиэль сделал шаг вперёд.

Он знал, что должен сделать. Чувствовал это с момента пробуждения. Но знание и готовность оказались разными вещами.

Он закрыл глаза.

Свет поднялся изнутри — не вспышкой, а давлением. Он разливался по спине, по плечам, по позвоночнику, требуя выхода. В следующий момент мир словно стал шире.

Крылья раскрылись.

Резкая боль пронзила спину — не как рана, а как напоминание, что тело не предназначено для этого постоянно. Воздух изменился, стал плотнее, насыщеннее. Рамиэль вдохнул — и почувствовал запах металла и пепла острее, чем раньше.

Он открыл глаза.

Голубой свет заполнил зрение, делая края предметов чётче, резче. Он видел трещины в камне, следы старых ожогов, напряжение в лицах других ангелов.

— Не расправляй крылья полностью, — сказала Мириэль. — Здесь не небо.

Рамиэль подчинился, чувствуя, как мышцы дрожат от усилия.

— Истинная форма — это не свобода, — сказал Элиан. — Это режим повышенной готовности.

Рамиэль сделал шаг — и едва не потерял равновесие. Центр тяжести изменился, движения стали требовать большей точности.

— Привыкай, — добавил Элиан. — В бою времени на это не будет.

Рамиэль огляделся.

Он заметил ангела с обугленными перьями, стоящего у стены.

— Он... был ранен недавно? — спросил Рамиэль.

— Вчера, — ответила Мириэль. — Демон ударил по крыльям. Целенаправленно.

— И они не восстановятся? — спросил он, уже зная ответ.

— Нет, — сказала она. — Не полностью.

В этот момент заговорил Ориэль.

— Крылья — это первое, во что бьют демоны, — сказал он спокойно. — Потому что это первое, что делает вас ангелами.

Он сделал шаг вперёд.

— На Севере истинную форму принимают только по необходимости, — продолжил он. — Не ради силы. Не ради впечатления. Пауза. — Ради выживания.

Он посмотрел прямо на Рамиэля.

— Потеряешь контроль — станешь угрозой. Потеряешь крылья — станешь обузой. — Найдёшь баланс — останешься в строю.

Рамиэль кивнул, чувствуя, как напряжение в спине становится привычным, тяжёлым, но управляемым.

— Возвращайся, — сказал Элиан.

Рамиэль сосредоточился. Это оказалось сложнее, чем трансформация. Свет не хотел уходить — он цеплялся, сопротивлялся, словно форма была честнее, чем скрытое существование.

Он заставил себя дышать ровно.

Свет начал сворачиваться. Боль вернулась — кратко, остро. Крылья исчезли, оставив после себя пустоту, как после резкого холода.

Рамиэль пошатнулся, но устоял.

— Запомни, — сказала Мириэль. — Здесь форма — не дар. — Это долг.

Рамиэль посмотрел на свои руки.

Они были обычными. Человеческими.

Но он уже знал: за спиной всегда будет то, что может сделать его сильнее — или сломать навсегда.

Глава VII

«И если взойду на крыльях зари и переселюсь на край моря, и там рука Твоя поведёт меня» — Псалтирь, 138:9—10

Зона полётов находилась выше остальных уровней базы «Север».

Это было одно из немногих мест, где бетон уступал место открытому пространству. Огромная вертикальная шахта уходила вверх, к замаскированным створкам, выходящим в заброшенную промышленную зону. Когда-то здесь ходили краны и поднимали металл. Теперь — поднимались ангелы.

Воздух был холодным и влажным. Он пах ржавчиной, снегом и чем-то старым, словно само небо над этим местом давно не обновлялось. Где-то наверху сквозь щели пробивался тусклый дневной свет — серый, рассеянный, северный.

Рамиэль стоял у края площадки и смотрел вверх.

Высота ощущалась не цифрами, а пустотой. Она тянула, звала и одновременно отталкивала.

— Не смотри долго, — сказал кто-то за спиной. — Начнёшь думать.

Рамиэль обернулся.

Это был ангел с коротко остриженными волосами и повреждённым левым крылом. Перья на нём росли неровно, будто кто-то неаккуратно сшил ткань.

— Кадмиэль, — представился он. — Летаю, пока могу.

— Он шутит, — сказала Мириэль, подходя ближе. — Пока *нужно*.

На площадке уже были другие. Несколько ангелов стояли молча, проверяя снаряжение. Кто-то разминал плечи, кто-то — крылья, осторожно, без резких движений. Здесь не было бравады. Полёт на Севере не был демонстрацией.

— Правила простые, — сказал Элиан. — И нарушать их не советую.

Он указал вверх.

— Выход — только по сигналу. Высота — ограниченная. Ниже облаков, ниже крыш. — Если заметили дрон, вертолёт или что-то непонятное — сразу вниз. — Истинную форму среди людей держим не дольше минуты.

Рамиэль нахмурился.

— А если не успеем?

Кадмиэль усмехнулся.

— Тогда молимся, чтобы люди решили, что им показалось.

Ориэль стоял у дальней стены шахты, в тени. Как и раньше, он не вмешивался. Его присутствие ощущалось давлением — не запретом, а ожиданием.

— Начинай, — сказал Элиан Рамиэлю.

Рамиэль глубоко вдохнул.

Свет поднялся внутри, знакомо и тяжело. Крылья раскрылись, и холодный воздух тут же ударил по перьям, заставив их вздрогнуть. Это было не похоже на то, что он чувствовал раньше. Здесь не было простора. Только вертикаль и камень.

— Не рви вверх, — предупредила Мириэль. — Полёт — это не бег.

Рамиэль сделал шаг — и прыгнул.

На мгновение он почувствовал пустоту. Потом крылья поймали воздух, и тело дёрнуло вверх, резким, неуклюжим движением. Он задел поток, потерял баланс и едва не врезался в стену.

— Спокойно! — крикнул Элиан. — Крылья — не мышцы. Слушай воздух.

Рамиэль выровнялся, чувствуя, как сердце бьётся слишком быстро. Он поднялся выше, осторожно, не доверяя себе до конца. Камень проплывал рядом, близко, опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.